

Дача. Это старое, еще дореволюционное слово (в старой России дачей называлась взятка). Дачи, собственно, есть везде. Но наша фонтанская дача — это мир, особый и чудный. Нигде не бываемый больше. Это не был просто район летнего отдыха, как бывает в иных городах — была это особая форма жизни.

Дачи на Фонтане — это были районы одноэтажных домиков, строенных из ракушечника, с толстыми стенами, просторными верандами в окружении основательных и толстых колонн, с мезонином на крыше. В таких домиках в летнюю жару было всегда прохладно, и хорошо дышалось — дышал ракушечник. У каждого такого домика был участок земли, густо засаженный фруктовыми деревьями, вишнями, черешнями, абрикосами и всякими понизу овощами. Там была веранда у входа и, если позволял участок, белела из дерева сделанная беседка среди зелени кустов и деревьев. Среди розовых клумб и жужжащих на солнце шмелей. Вечерами там собиралась семья и гости, горела над столом лампа, летела на ее свет мошкара, и шло застолье с чаепитием. Дождем намочала листва, и низко к влажной земле наклонились отяжелевшие ветви, а запах роз становился особенным, дождевым и пряным.

Это так было всегда, и задолго до нас — есть на полотнах Костанди и Дворникова наши дачи, до революции, — веранда, утро, стол, и на столе накрыт чай. Узкий самовар с ручками из слоеной кости. "В аллеях, укрытые зеленью, белели плетеные кресла. Обеденный стол был покрыт цветами, окна обведены зелеными наличниками. Перед домом просторно стояла деревянная невысокая колоннада" (Исаак Бабель. В подвале). И стулья там стояли такие же (они еще уцелели с тех времен, венские, гнутого дерева, постаревшие и поэтому попавшие в опалу на дачи, уступив место новым в четыре ноги наглем, но все еще, и надолго, крепкие и верные дачные наши стулья. Сколько себя помню, они жили с нами, безропотно носили на себе покачивание подростков, тяжесть посадки ученого мужа и веселье застолья. Иногда на них становились ногами, прибывая картину или развешивая занавес на окнах, и тогда они покорно скрипели своими изящными сочленениями. Как много слышали они и видели за это прошедшее столетие! Теперь с нами они тоже уходят).

Чаще всего эти дачные домики разделены были на четвертушки, и с каждого угла открывалась отдельная дача со своим участком земли. Ограждены были участки деревянными палисадниками, крашенный штакетник утопал в зелени и колючках непроницаемо глухих кустов, чтобы никто посторонний не заглядывал в дачную жизнь.

Выбирались на дачу с мая (но разговоры об этом событии начинались много раньше, с первыми теплыми днями весны), переезжали женщины с детьми, а мужчины на дачу наезжали после работы, и только в отпуск все собиравшись вместе. Несколько недель перед выездом на дачу туда ездили по воскресным дням приводить все в порядок. Белили и красили, поправляли заборы, сжигали прошлогоднюю листву. Так работали весь день, а вечером садились перекусить и выпить. Пахло паленой листвой, руки были в следах не отмытой краски... Боже мой, как вкусно все было после дня, проведенного в работе на дачном воздухе!

Весенний трамвай, открытый настежь вагончик, весело бегущий на Большой Фонтан:

"В аллеях столбов,
По дорогам перронов —
Лягушечья прозелень
Дачных вагонов;
Уже, оконувшийся
В масло по локоты,
Рычаг начинает
Акать и окать...
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колеса..."

Эдуард Багрицкий. Весна

А ты сидишь, запахнувшись в теплую полу и воротник куртки,

щуришься от солнышка, куришь. А трамвай пишет зигзаги и выписывает восьмерки, и они всегда так необычны для нас, жителей прямоугольных городских улиц, так пленительны!

Потом нанимали машину и переезжали. Машина нужна была потому, что боялись на зиму оставлять на даче холодильник и телевизор, из-за зимнего воровства, и нужно было захватить с собой много вещей. Теплую одежду на случай дождя и холода, всякие одеяла и пледы. Переехав, устанавливали все на места, расставляли кресла и шезлонги, и начиналась дачная жизнь.

Одни ходили на пляж поутру, встав спозаранок, и тогда могли встретить солнце, как оно поднимается и накатывается на море и пляжный песок, постепенно все согревая. И можно было плыть навст-

так весело прыгает по воде брошенный горизонтально плоский, поднятый с песка камень. Так купались мы молодыми и красивыми, и поэтому часто купались голыми, бросив кучей одежды на песке. Потом, наплескавшись и насмеявшись в прохладной теплоте морской воды, мы всегда долго искали эту одежду и не всегда все там находили. Темнота пляжа была вязкой и влажной, в нескольких шагах все терялось во мгле, и мы часто не досчитывались на время какой-нибудь пары, акая их и ругая наконец-то нашедшихся. И затем весело поднимались вверх по крутым склонам, шли босыми, в мокром песке, ногами.

Как легко дышалось на крутом этом подъеме, как вкусен и прохладен был морской воздух, как ласково гладили наши ноги ветви кустов... И сыпались с неба звезды над нашими головами, но мы даже не

Ходили в кино — на десятую или шестнадцатую станции. Смотрели там всякую дрянь.

Боже мой, как хорошо бывало на даче в дождливую неделю! Как тихо и сладко читалось под монотонность падающего на землю дождя. Дождь был рядом с тобой, не где-то на улице, но вот здесь, он стоял за дверью, как пришедший к тебе, уставший от одиночества гость. Открой дверь, выйди к нему на веранду поговорить, постой рядом с ним, покури. Ночной ветер порывами гнет к земле тяжелые от воды и уставшие сопротивляться ветви, и земля от воды уже тяжелая. Ветер забрасывает внезапно горстью воды дождя на веранду, тебе в лицо, чихает собака, и странное чувство возникает, что это, увидев тебя, так развлекается ветер, с тобой играя. Ему не холодно и не сыро... а весело!

Потом начинал бегать, ездить на трехколесном велосипеде, упрямо въезжая в дачные заборы, и дружить начал со сверстниками, даже если родители знакомы не были вовсе. И так возникало великое дачное братство.

И первая любовь зарождалась здесь, на этой дачной аллее, ведущей к морю. И просто — брала шестилетняя девушка приятеля с аллеи за руку и приводила к себе на дачу, показать своих кукол, и сидели в сторонке родители, осторожно поглядывая на эту новую автономную жизнь и шутили себе втихую.

И воздух этих незабвенных дачных вечеров, полумрак аллеи с пятнами света, выхваченными из темноты чередой качающихся лампочек, звездное небо, опустившееся к притихшей земле... И ты идешь прямо в прохладном пространстве неба, чуть сторонясь пролетающих мимо звездочек, и слышишь тихие голоса, проникающие со всех сторон, из темноты скрытых за темными кустами дач, то тут, ручейком радиоразговора, то там, веселым смехом и женскими голосами... и перебор гитары... то ли еще Галич, то ли уже Высоцкий... и тонкая упругая звонкая нить нескончаемой песни сверчка... Эта песня, на темной аллее об одиночестве, о том, что все еще сбудется, это сладкое чувство покинутости, предвещающее неизбежную встречу...

Ты переступишь порог, сбросишь мокрую одежду, наденешь сухую... сядешь к столу, возьмешь в замерзшие руки раскаленную чашку чая. И растворишься во всем этом, ни к чему не прислушиваясь, ничего не отвечая. И внезапно услышишь старую добрую песню сверчка — ты вернулся домой!

Никогда не позволяй себе даже думать, что дом твой разрушен... что тебя в нем никто больше не ждет!

Но, когда вспомнишь, внезапно, среди дел и суеты мира, по непонятной причине и без повода все, вспомнишь ночную песню дачного сверчка, — не беги к фотографиям и книжкам, чтобы подлечить память — просто подними трубку и набери номер, и спроси друга, спроси его: "Ведь это правда, на нашей дачной аллее, там, где она делает поворот вправо, по пути к берегу обрыва, когда-то стояла скамейка, покрашенная в зеленый цвет, со спинкой, и краска местами на ней облетела?". И друг твой на далеком ином континенте, подскокивший от полночного звонка, испугавшего жену, спящую рядом, прикрывая ладонью трубку и отдышавшись от внезапности вопроса, скажет тебе: "Точно...". И тихо добавит, никак не обидевшись: "А ты знаешь, ведь совсем недавно я тоже ее вспомнил, ведь как это странно — там на спинке еще была надпись...". И потом, погасив свет, и на вопросы раздраженной жены ничего не ответив, он долго будет лежать, твой старый друг, в темноте ночной комнаты — чуть улыбнется его губы... он увидит фонарь, качающийся на легком ночном ветру у поворота аллеи прямо над зеленой скамейкой... где вечность назад он впервые поцеловал тоненькую и стройную девушку... и ощутит на своих губах вкус ее еще детских губ... он почувствует влажную и холодящую шею ветер с моря, от берегового обрыва... он даже услышит монотонный скрип фонарной подвески, которую... давно надо бы смазать!

И кто бы там ни поселился, сменив нас, с ним неизбежно это произойдет, как когда-то с нами, Фонтаны изменят его, сделают своим. Незаметно, непонятными путями, но в лице этого пришедшего поселенца, в его походке, в словах, которыми он станет весело чертыхаться, оконувшись в холодную еще весеннюю воду, это проявится постепенно и неизбежно. А уж дети его, они станут, кем бы он ни был, детьми Фонтана. Такими же, как мы с тобой, только это будет теперь уже их Фонтан. Их море, их солнце над этим заливом, их затяжной и глухой дождь в самый разгар пляжного сезона.

И слава Богу!

Александр ДОРОШЕНКО.
Фото Ивана Череватенко.

ДАЧИ

речу солнцу, по солнечной дорожке. Другие ходили вечером, когда спадала дневная жара и убавлялось число пляжников. Пляж становился чистым от людей, тихим, и море становилось похожим на море. И тогда можно было уплыть далеко-далеко и плыть по лунной дорожке. Такую лунную дорожку море протягивало только тебе, она была узкой и рассчитанной только на одного тебя. Всегда брали с собой большое махровое полотенце, потому что холодно было купаться ранним утром и поздним вечером.

Мы любили купаться в шторм, в его высоких и рвущихся к берегу волнах, накатывающих равномерно. Мы с веселым смехом подныривали под эти набегавшие волны, приносившие к их высоте и ритму, но вдруг, из череды одинаково огромных, рассчитанных волн, внезапно вырастал несущийся к берегу вал, вдвое крупнее их всех, и накрывал он тебя с головой, сбивал с ног, схватив и вынеся к берегу, мокрого, барахтающегося, веселого и испуганного. В такую высокую волну проще было уплыть в море, навстречу шторму, там волны не могут, упершись в дно, вырасти несоразмерно, там можно, умеючи, но с оглядкой на берега, слегка поиграть с рассерженным морем. И, временами, оказавшись меж двух, одной прокатившейся и второй набегавшей на тебя волной, ты переставал вовсе видеть берег, и вокруг были только волны, и над головой низко несущиеся свинцовые облака. И замирало сердце от восторга и страха...

А если внезапно налетел летний сокрушительный в ярости ливень, когда некуда было спрятаться на открытом пляже, мы прятались в кульки и сумки одежды, а сами бежали к морю, где все равно было мокро, но всегда теплее, чем в потоках хлещущего наотмашь дождя...

Но некоторые, настоящие дачники, купаться ходили редко или вообще несколько раз за весь сезон. Потому что круты наши морские склоны, труден спуск, и еще труднее подъем. Потому что на даче, в ее прохладной зелени, и так хорошо — ветерок с моря, свежий и вкусный, покой, уют. Да и забот много — полить и обиходить кусты роз и всяких других цветов, накормить семью.

Были и еще купания — ночью. По темному и крутому склону к морю сбегала веселая компания, вставшая из-за праздничного стола. Был первый-второй час ночи, воздух был еще теплый, и море, внизу внезапно оказывавшееся прямо у ног, еще хранило дневное тепло. Оно было темным, много темнее ночного воздуха и поднимающихся склонов. Оно было живым и рокошущим. Море многократно отражало наши веселые голоса, и смех отражало, —

пытались их пересчитывать и подбирать, в уверенности будучи, что так будет всегда — ночное и ласковое море, и веселье голоса друзей. И этот подъем среди падающих, задевающих наши плечи звезд.

И потом, в темноте ночной комнаты, трудно было уловить источник мерцающего пульсирующего света, и вдруг на подушке ты находил маленькую звездочку, запутавшуюся в волосах подруги...

Странно и то, что перестали падать теперь эти звездочки, так много было их раньше, и все казалось — еще будут и будут...

Так жили на дачах. Иногда летом на неделю мог зарядить дождь. Становилось прохладно и очень сыро. К морю можно было идти только с зонтиком, одевшись во всякие свитера и ветровки, потому что на море был ветер, и он гнал с остервенением белые от злости волны, разбивая волнорезы, пляжные толчаны и руша ограды. На море хорошо было смотреть сверху, с обрывов. В такие дни дачники ходили часто друг к другу в гости, выпить и поговорить. Шли гуском, узкими дачными дорожками, и все пахло влагой и мокрой землей...

В такую погоду хорошо пила водочка под маринованный крепкий и хрустящий огурчик, под раскаленную с жару колбаску, под великое и любовное чувство дружбы.